

Месопотамия
Мексика
Индия
Ближний Восток
Америка
Европа

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ МИР

Грэм Кларк

Грэм Кларк

Доисторический мир

«Центрполиграф»

УДК 299
ББК 63.2

Кларк Г.

Доисторический мир / Г. Кларк — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-4976-3

Профессор археологии Кембриджского университета и знаток предыстории человечества Грэм Кларк раскладывает перед читателем пеструю мозаику описаний первобытных культур во всех уголках земного шара, пытаясь объяснить, почему появились первые поселения людей, рассказывая, как они распространялись по миру, какие ступени развития прошли известные нам древнейшие цивилизации, чем отличались и чем были похожи их культуры. Кларк дает нам возможность представить, насколько мир в доисторические времена был не похож на сегодняшний, в каком климате жили наши предки, как добывали пропитание, в каких жилищах обитали, во что одевались, как их чувства воплощались в первые произведения искусства, как постепенно, накапливая знания об окружающем мире, они совершенствовали свои технологии. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 299

ББК 63.2

ISBN 978-5-9524-4976-3

© Кларк Г.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
Физическое окружение	11
Ледниковый и плювиальный периоды	11
Неотермальный климат	15
Колебания уровня моря	16
Биологическая эволюция	17
Приматы	17
Австралопитеки	17
Питекантропы	19
Неандертальцы и неандертальский тип	21
Homo sapiens и современные человеческие расы	21
Глава 2	23
Критерии культуры	23
Речь	25
Первые изготовленные человеком орудия труда	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Грэм Кларк

Доисторический мир

Посвящается памяти В. Дж. Чайлда, О. Дж. С. Кроуфорда

Grahame Clark
world prehistory an outline

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2011

Введение

Мысль о том, что история человечества началась, когда первые представители семейства гоминид заявили о своей человеческой природе изготовлением орудий труда, подражая полученным в процессе социального общения образцам, обрела четкую форму сотни лет, с тех пор как Дарвин опубликовал «Происхождение видов». Конечно, намного раньше пришло понимание того, что требуются определенные познания о временах до самых ранних письменных свидетельств, и почерпнуть их можно, кропотливо изучая памятники и другие материальные следы, хотя сначала знатоки древности интересовались главным образом тем, что мы унаследовали от античной и средневековой цивилизаций. К концу XVIII века в археологии начал складываться систематический подход к изучению как исторического, так и доисторического периода в развитии человечества. Прослеживается близкая связь между становлением идей человека о биологическом мире и о его древнейшей истории. Можно сказать, что научные изыскания лишили жизненной силы идею о том, что история ограничена промежутком времени, начало которого совпало с появлением грамоты, как равно и догму о неизменности видов.

Первые попытки систематизировать классификацию археологических данных были эволюционными по концепции и очень ясно демонстрируют влияние на историю человечества идей, волновавших биологов со времен Буффона. «Система трех веков» С. Дж. Томпсона (1836) основывалась на преемственности камня, бронзы и железа как главных сырьевых материалов для изготовления орудий труда и оружия, а в основе классификации Свена Нилссона (1838–1843) лежала последовательная смена образа жизни человека от первобытного охотника-рыболова до письменной цивилизации через объединение племен и совместное возделывание почвы. И эти, и последующие попытки сгруппировать доисторические общества, опираясь на точку зрения эволюционного развития, многим обязаны наблюдению за современными примитивными племенами. Таким же образом использовались возможности изучения природы на опыте, приобретенном во время путешествий Дарвина на «Бигле» и Уоллеса – к Малайскому архипелагу, который привел к утверждению теории эволюции посредством естественного отбора. Публикация книги Дарвина и, прежде всего, возможно, горячая поддержка со стороны Томаса Хаксли, касающаяся места человека в природе, сыграли здесь решающую роль. Признание геологической древности и зоологических взаимосвязей человека подчеркнуло грандиозность и значимость доисторического мира. Необходимость ликвидировать разрыв между тем, что было известно о человеке относительно его происхождения из традиционных источников, и предположениями, выдвинутыми в современных гипотезах новой естественной науки, стала сейчас очевидна.

Именно ради того, чтобы заполнить этот пробел, как особая отрасль изучения, появилась наука о доисторической эпохе, как мы ее понимаем. Использование этого термина для определения истории обществ с дописьменной культурой, в отличие от имевших письменную культуру, может показаться нелогичным и противоречащим целостности и единству истории. Однако существует веский довод для признания различий между двумя дисциплинами, невзирая на то, что фактически они изучают одни и те же явления. Информация о доисторическом прошлом, добытая археологией, очень сильно отличается от той, что можно извлечь из письменных документов, поэтому, в то время как историк способен углубиться в изучение мотивов и выбора личности, ученый, занимающийся доисторической эпохой, должен, как правило, довольствоваться соприкосновением с судьбами сообществ или классов и интересоваться направлениями развития событий чаще, чем самими событиями. И хотя верно, что усовершенствованные методы, применяемые археологами, изучающими мир до начала времен, могут быть, в общем, применимы к освещению исторического прошлого, умения и методы,

наиболее часто используемые историками и археологами, разительно отличаются, как и их взаимоотношения с другими отраслями знания.

Если совокупность сведений о доисторической эпохе возникла из философской необходимости, порожденной прогрессом биологии, более широкое применение современных достижений науки создало острую необходимость их применения и распространения. Несложно заметить и среди историков-любителей, и среди профессионалов одно и то же ощущение несостоятельности традиционной истории при настоящем положении дел. Что бы ни думалось по поводу философской и исторической системы взглядов профессора Тойнби, именно его заслугой является выявление всех пороков нашего века сверхзвуковой авиации и атома, свойственных также и веку лошадей, двуколки и даже железных дорог. Этим аномалиям часто присущ комический аспект, но они одновременно склонны быть опасными. И данное свойство проявляется особенно ярко, когда находит свое выражение точка зрения человека на его прошлое, пронизанная глубокими эмоциями. Превыше всего, конечно, необходим взгляд на историю, способный примирить требования национальных сообществ и сообщества мирового. Однако, если принять доводы Тойнби против отождествления всеобщей истории с историей западной цивилизации, его настойчивость в отношении автономии крупнейших развитых цивилизаций, возникнет опасность замещения культурной конкуренции на соперничество народов. Несомненно, именно доисторическое прошлое, которому Тойнби не придавал особого значения, является единственным и общим истоком всех цивилизаций и, значит, истории всех культур.

Цель этой книги – рассмотреть в общих чертах историю человечества от рассвета культуры до тех времен, когда следующие одно за другим общества обрели грамоту. В результате когда-то возникшие как таковые цивилизованные народы, имевшие письменность, стремились оказать влияние на тех, кто продолжал жить в первобытных условиях. В очерках необходимо сделать обзор их более поздней истории, по крайней мере до тех пор, когда они влились в ряд молодых доминирующих цивилизаций. В набросках такого рода практически нереально включить в содержание или даже резюмировать археологические и естественно-научные данные, от которых напрямую зависит детальная реконструкция доисторического мира. Наше дело – не кирпичи и строительный раствор, а само здание, и ваше внимание будет направлено лишь на те детали, которые нужны для создания яркого впечатления о его форме и содержании. Однако важно напомнить читателю, что представленный здесь рассказ основан на фрагментарных, но конкретных свидетельствах, большая часть которых добыта благодаря раскопкам и подвергнута тщательному изучению, схожему с работой экспертов при расследовании преступления. Поскольку читателя просят так много принять на веру, он имеет право быть осведомленным о некоторой неопределенности и помнить о том, как сильно разнятся по своей глубине исследования доисторического прошлого в разных уголках мира. Тем не менее за сотни лет, прошедших со времени публикации «Происхождения видов», было изучено достаточно материала, чтобы сделать вполне обоснованный очерк о том, что происходило в предистории человечества.

Главная трудность – достигнуть должного баланса. Важно избегать уклона в сторону Европы или других регионов, и все же было бы бессмысленно попытаться достигнуть своего рода пространственно-временного соответствия ради него самого. Каждый период времени и каждая территория внесли далеко не равнозначный вклад в раннюю историю человечества, как и в современную историю. По причине того, что развитие культуры происходило быстрыми темпами, возникает необходимость трактовать более короткие завершающие фазы доисторического прошлого равнозначно более длительным предшествующим. Однако мы обязаны принимать меры предосторожности против того, чтобы обращать на них чрезмерное внимание лишь из-за огромного количества и разнообразия доставшегося от них археологического материала, и нам стоит тщательно взвешивать важность каждого основного эпизода в общей истории человечества. И снова надо понять, что фокус на прогрессе человечества смещался в

зависимости от географических пределов и с течением времени, так что сначала один регион, а затем и другой имеют главные притязания на наше внимание. Вследствие этого неизбежно и даже желательно, чтобы обширные территории в течение длительных промежутков времени были упомянуты лишь вскользь, а довольно краткие эпизоды в истории соответственно получили наиболее полную трактовку. Моей целью является не написание хроники, своего рода создание гобелена Байо прямо на рулоне ткани, а чего-то более напоминающего историю, со всей присущей ей глубиной и многомерностью, выписанную на холсте непреложных истин. Главная трудность – достичь единства, создав иллюзию полной панорамы, и в то же время пролить свет на самые значительные факты и приоткрыть детали. Чтобы полностью это осуществить, требуются исключительные усилия, и автор будет доволен, если в некоторой мере поможет своим читателям взглянуть на истории их собственных культур с точки зрения широких перспектив развития мира до начала времен.

Очевидным предусловием этого является хронологическая схема, применимая ко всему миру. Поскольку каждый связывает себя с предысторией отдельного региона, он может составить из разрозненных фактов рассказ, анализируя изменения, происходившие в моде, ассоциации, возникшие при изучении разнообразных находок какого-либо периода, и результаты археологических раскопок. Более того, если между различными регионами существовали торговые отношения, события в них могут быть синхронизированы. Однако по мере расширения поля изучения за рамки доисторической торговли, углубления в прошлое и вне пространства становится очевидной необходимость более универсальной системы или хронологии. Эпизодические сведения о климате, географии и животной и растительной жизни во времена плейстоцена составляют лишь грубый набросок для доисторической хронологии. Но для описания последующих периодов истории, когда изменения стали происходить гораздо более быстрыми темпами, требуется схема куда более точная. Идеальна система абсолютной хронологии по годам, надежная и готовая к применению в археологических раскопках. Использование данных, основывающихся на исторических записях, ограничено. Они применимы только к относительно недавно возникшим доисторическим сообществам в пределах территорий, граничащих с древними центрами цивилизации; и даже обычно имеют определенные пределы погрешности в соответствии с неточностями в ранних исторических хронологиях и трудностью установления взаимосвязей между ними и доисторическим хронологическим порядком. Системы, в основе которых лежат незначительные колебания климата, выраженные изменением уровня осадков под влиянием таяния ледников или количества урожая с деревьев в определенных местностях, часто оказываются полезным критерием. Однако это важно исключительно в рамках определенной местности и не может служить мерилом прогресса человечества в доисторическом мире. Несложно понять, почему радиоуглеродный метод, разработанный доктором У. Ф. Либби в 1949 году, является столь многообещающим: здесь налицо технология, позволяющая привести данные в соответствие с годами и способная найти применение в археологических раскопках по всему миру. Этот метод основывается на том, что после смерти организмов их радиоактивность снижается до известного уровня, поэтому, точно измерив оставшееся количество C^{14} , можно вычислить, сколько времени прошло с момента смерти. Важно знать, что применение данного метода имеет ряд ограничений, не говоря о возможности заражения, от которого не убережет даже величайшая осторожность при сборе образцов, а профилактические меры весьма болезненны.

В настоящее время существует ограничение по времени в пределах примерно 50 тысяч лет и, что самое главное, этому методу присущ неотъемлемый элемент статистической неопределенности по причине произвольного расщепления атомов, что означает не только то, что данные C^{14} имеют отклонения в сторону ошибки, но и доля правильных данных в определенных пределах снижается. Эту мысль обычно игнорируют не способные ее понять критики метода. Однако, хотя нельзя полностью положиться на индивидуальный анализ, общая модель, осно-

ванная на растущем количестве анализов и поддерживаемая интенсивными поисками источника ошибки, появляется там, где начинает применяться этот метод. Такая модель позволяет нам впервые взглянуть на достижения двух тысяч поколений человечества в исторической перспективе.

Глава 1

Место человека в природе

Самый главный парадокс, с которым мы сталкиваемся, когда размышляем о своем происхождении, состоит в том, что человек, который благодаря своему разуму приблизился к полному господству над силами природы, противостоящими ему на этой планете, и который усиливает свою власть, покоряя космос, сам по себе есть животное. Со всеми остальными животными его объединяет связь с живущими существами, и каждый человек подвержен тем же самым процессам роста, зрелости и умирания. Подобно им, он живет в определенной физической среде. Если вследствие этого мы хотим верно истолковать материальные следы культуры, обретенные благодаря археологии, важно начать, по крайней мере, с описания в общих чертах изменения географической среды в период плейстоцена и в более поздние времена. Равным образом, поскольку человек обязан своей мощью прежде всего физическим и умственным способностям, обретенным от предков в процессе эволюции, нельзя не упомянуть основные вехи в недавней истории его становления как биологического существа.

Физическое окружение

Эра плейстоцена – период биологической и культурной эволюции первобытных людей. Она произвела глобальные изменения в окружающей среде. Главным образом эра плейстоцена отмечена цепью климатических перемен, достаточно значимых для изменений в животном и растительном мире, так же как в расположении суши и вод, изменявшем, порой радикально, возможности миграции людей и их поселений. Наличие этих повторявшихся изменений в условиях жизни первобытных людей важно по двум причинам: оно дает нам возможность проникнуть в суть проблем, с которыми сталкивались наши предки, и как биологические объекты, и как создатели культуры, а также заложить основу естественной хронологии для главных этапов ранней истории человечества.

Ледниковый и плювиальный периоды

В существующей зоне умеренного климата и в тропиках, на большой высоте над уровнем моря, наиболее драматичной чертой плейстоцена было распространение и сокращение ледового покрытия. Пласты валунной глины были покрыты ледниками и рядами валунов, отмечающих их выход. Также и более явные топографические особенности, подобные моренам, сформированным пластами льда, вышедшими за свои бывшие пределы, указывают на то, что огромные территории Северной Америки и Европы, в которых на сегодняшний день весьма комфортные погодные условия, были покрыты льдами. В околледниковых зонах, сразу за пределами льда, огромные пласты лёсса, мелкой пыли, нанесенной ветрами с заледневших территорий, густо покрывали ландшафт, и в течение умеренных климатических эпизодов между ледниковыми фазами их поверхность подвергалась атмосферным воздействиям, являя собой свидетельство климатических колебаний. Из-за непосредственного влияния оледенения в эпоху плейстоцена первые люди были вынуждены отказаться от заселения определенных площадей, сталкиваясь с барьерами в процессе миграции. Но эти трудности имели локальное значение и были не так широко распространены, как связанные с ними изменения географического и биологического характера. К примеру, вода, заключенная в пластах льда, оказала сильное влияние на уровень моря: вычисления показывают, что ее избытка сверх того, что содержали ледяные покровы, было бы достаточно, чтобы уровень морей сократился примерно на 100 метров (около 325 футов), и геологические свидетельства говорят о понижении уровня морей в период плейстоцена как раз на такую величину. Там, где сформировались толстые, чрезвычайно массивные пласты льда, земная кора находилась под гнетом и обрела свое первоначальное состояние, лишь когда началось таяние льдов. Это явление носит название *изостазии*. На территориях, подверженных сильному оледенению, вследствие этого начало ледникового периода могло повлечь за собой оседание суши относительно моря. Однако, кроме площадей, находящихся под ледяным покровом или непосредственно к ним прилегающих, оледенение было отмечено межледниковыми периодами, обусловленными повышениями уровня моря, которые производили так называемые эвстатические изменения, достаточные для формирования или пересечения «мостов» суши, кардинально важных для миграции людей.

На обширных тропических и субтропических территориях, сыгравших заметнейшую роль и в происхождении человека, и в становлении культуры, так же как в развитии сельского хозяйства и городской жизни, климатические изменения проявились в ярко выраженных длительных периодах сильных ливневых дождей, которые принято называть плювиальными. Они прерывались меж-плювиальными периодами с меньшим количеством дождей и, соответственно, были отмечены таким явлением, как повышение и падение уровня воды в озерах, активностью и инертностью вод.

Не менее значимыми были биологические последствия климатических изменений, таких как ледниковые, плейстоценовые и второстепенные периоды, проявлявшиеся только на местном уровне. На самом деле происходило смещение климатических зон: когда оледенение распространилось в умеренных зонах, дождевые пояса переместились в субтропики, а тропики сократились. Наоборот, когда льды отступили, умеренные климатические условия начали вновь утверждаться на территориях, прежде покрытых ими, а временно ожившие земли вновь отводили свое у пустыни. Не говоря уже об их прямом воздействии, климатические изменения глубоко повлияли на человеческую жизнь через растительный и животный миры, служившие источниками пищи. Широко распространенные метаморфозы растительности неизбежно сопровождали климатические циклы, приносящие масштабные оледенения: тундра, хвойные, лиственные и вечнозеленые леса, пустыни и тропические дождевые леса смещались в ответ на перемены в выпадении осадков и колебания температуры. Равным образом, напрямую зависевшие от растительности травоядные животные, в которых был принципиально заинтересован человек, приспосабливались к наступлению и отступлению каждого климатического цикла, так что лесная фауна в любой местности заменялась более приспособленной к условиям степи или тундры и наоборот.

Совокупное влияние этих главных изменений в характере внешней среды на человеческие сообщества, должно быть, еще грандиознее, если принять во внимание ничтожно малый культурный капитал, накопленный в доисторические времена. Когда вспоминается, что они повторялись с постоянными интервалами в течение миллионов лет или около того в эру плейстоцена (не менее пятнадцати раз, если положиться на свидетельство океанских глубин), трудно сопротивляться мысли о том, что некая причинная связь существовала между ними и процессами, происходившими в биологической и культурной эволюции человека. Изменения окружающей среды явились мощным фактором биологической мутации, поскольку они стимулировали миграцию и придавали большое значение изоляции. Что касается культуры, антропологические исследования доказывают, что в каждый определенный момент времени существует очевидное равновесие между любым человеческим обществом и средой обитания (землей и климатом), а также биомом (растительным и животным миром) экосистемы (общей природной среды), в которой оно существует и с которым образует единое целое. Малейшие изменения в среде обитания или биоме неизбежно влекут за собой преобразования в человеческом обществе: культурные перемены и миграцию, в результате которых устанавливается новое временное равновесие. Именно в этом длительном процессе появления проблем и поиска их решения, обогащенном и усложненным взаимодействием соперничавших обществ и, в большей степени, утверждавшихся классов, мы можем найти какое-то объяснение механизму прогресса человечества, пусть даже оно всего лишь приблизит нас к самому общему объяснению доисторического мира.

Период плейстоцена, в котором стала разворачиваться наша предистория, начался приблизительно миллион лет назад. Он был отмечен, судя по окаменелостям, появлением настоящих слонов, лошадей и быков, но в течение его ранней стадии представители древней фауны третичного периода, включая диноцерата, стилогиппариона и сиватерию, сохранились только в виллафранкских пластах. Как мы уже поняли, в целом периоду были свойственны частые и порой резко выраженные климатические изменения, которые в разных уголках мира проявлялись по-разному. Среди самых драматичных были наступления и отступления ледяных пластов на современную умеренную зону. Что касается суши, здесь геологические свидетельства являются неполными или, по крайней мере, поврежденными в более поздние периоды. Однако и на северной европейской равнине, и в Альпах стало возможно достаточно четко нанести на карту морены четырех основных оледенений, которые названы в честь определенных местностей в Альпах, где они были впервые распознаны. Особенно четкие – признаки позднего плейстоцена, который включал в себя последнее, или вюрмское, оледенение и предшествовавшее

ему межледниковье. Средний плейстоцен вызывает повышенный интерес благодаря тому, что в отложениях этого периода обнаружены самые ранние конкретные следы трудовой деятельности человека. Он отмечен двумя крупнейшими оледенениями – миндель и рисс, а также продолжительным межледниковьем миндельрисс. С другой стороны, свидетельства раннего плейстоцена сохранились намного хуже, невзирая на то, что эта фаза, несомненно, длилась дольше, чем вместе взятые более поздние. Более того, геологам удалось выявить в изобилии только признаки еще одного оледенения, гюнц, хотя были обнаружены следы по крайней мере трех ему предшествующих. Недавние исследования морских глубин, когда проводились бурения дна Карибского моря и Тихого океана, позволяет предположить, что было всего пятнадцать главных оледенений, вопреки менее чем половине от этого количества, установленной после тщательного изучения грунта в Альпах. Это лишний раз показывает, как мало известно об истории раннего плейстоцена, который совпал с важными стадиями в появлении человечества.

Самые поздние ледовые отложения, как правило, сохранились лучше и позволяют сделать более точное деление, так что, как видно в таблице А, в период вюрмского оледенения могут быть распознаны три фазы.

Таблица А

Основные подразделения периода плейстоцена в Центральной Европе и Восточной Африке

Геологическое время	Радиоуглеродная датировка (до н. э.)	Ледниковые периоды (Центральная Европа)	Плювиальные периоды (Восточная Африка)
Верхний плейстоцен	12 000—8000	Поздний вюрм	Гамблианский
	29 000—12 000	Средний вюрм	
	70 000—29 000	Ранний вюрм	
	100 000—70 000	Рисс-вюрмское межледниковье	Межплювиальный
Средний плейстоцен		Рисс	Канджеранский
		Миндель-рисс межледниковье	Межплювиальный
		Миндель	Камазианский
Нижний плейстоцен (виллафранкская фауна) прибл. 1 000 000		Гюнц-миндельское межледниковье	Межплювиальный
		Гюнц	Кагеранский
		Ряд многочисленных предшествующих оледенений	—

Более ранние периоды позднего вюрма, естественно, те, что датированы наиболее точно. Результаты, приведенные в таблице Б, получены с ограниченной территории Северо-Западной Европы, но аллередское колебание и скачкообразные изменения климата позднего плейстоцена примерно 10 тысяч лет назад оставили заметные следы на обширных площадях северной умеренной зоны.

Таблица Б

Второстепенные подразделения позднего вюрма в Северо-Западной Европе

Радиоуглеродная датировка	Климатические фазы	Лесные зоны
8850—8000	ранний дриас	III
10 000—8850	аллередское колебание	II
10 500—10 000	древний дриас	Ic
11 500—10 500	беллингское колебание	Ib
12 000—11 500	древнейший дриас	Ia

Вне оледеневших территорий, там, где сейчас преобладает субтропический и тропический климат, его колебания выражались в форме пльвиальных фаз, отмечавшихся сильными ливнями, которые прерывались засушливыми межпльвиальными периодами. В таблице А пльвиальные периоды в Африке и Азии для удобства показаны параллельно с ледниковыми периодами в Европе и Северной Америке, но необходимо подчеркнуть, что не вполне достоверно известно, насколько синхронно они протекали. Для этого надо дождаться, когда получат развитие и будут применены технологии, которые позволят установить точные даты в достаточно далеком прошлом на обеих территориях.

Ценность результатов такого рода для создания хронологической системы, включая даже те периоды, для которых еще не определены точные даты, едва ли нуждается в акцентировании. Важны масштабы и частота климатических изменений во времена плейстоцена для правильной оценки географических условий, в которых происходило становление древнего человека и как биологического организма, и как существа культурного. Так, колебания в выпадении осадков и температуре, кроме своего прямого воздействия, радикально видоизменили условия существования, оказывая влияние на растения и животных. Похожим образом изменения суши и уровня моря, явившиеся результатом увеличения и отступления ледовых пластов, должно быть, повлияли на принцип расселения людей, и прежде всего за век до появления морского судоходства, произвели глубочайший эффект на возможности миграции. Знание точных очертаний береговой линии имеет принципиальное значение для позднего ледникового и раннего неотермального периодов, во время которых широко распространились миграционные процессы.

Бурения на большую глубину в районе Понтийских болот в Италии и в других местах, к счастью, позволили с определенной точностью измерить смещение уровня моря в течение последнего оледенения, а это, в свою очередь, дает нам возможность представить протяженность перемычек суши, которые, например, соединяли Британию с Европейским материком, Аляску с Сибирью, Юго-Восточную Азию с Индонезией, так же как Макасарский пролив и Австралию с Новой Гвинеей и Тасманией.

Неотермальный климат

Хотя в широком смысле плейстоцен, или четвертичный период (антропоген), длится вплоть до сегодняшнего дня, посчитали полезным обозначить определенными терминами периоды, прошедшие со времен последнего значительного колебания климата. Ученые, работавшие в нынешней умеренной зоне, вполне понятно, начали относить современную геологическую эпоху, или голоцен, к послеледниковому периоду, но в контексте изучения доисторического мира предпочтителен термин «неотермальный», поскольку прошедшее оледенение было лишь одним из местных проявлений глобальных мировых перемен. Результаты радиоуглеродного анализа ленточных глин и прекрасно расслоившихся осадочных пород, которые ежегодно откладывались в талых водах сокращающихся ледниковых пластов Скандинавии, совпадают с расчетами, указывающими, что неотермальный период, когда постепенно появлялась существующая физическая среда и набирал темпы процесс социальной эволюции, начался примерно десять тысяч лет назад. Так как отложения пород и более достижимы, и лучше сохранились, вряд ли удивительно, что историю неотермального периода мы знаем гораздо лучше и детальнее, чем любую предшествующую геологическую эру. В особенности в умеренной зоне стало возможно посредством статистического анализа пыльцы окаменелостей, содержащейся в составе следующих одного за другим слоев, разделить на зоны, согласно их вегетативной истории, отложения этого периода. Прежде всего, только деревья, способные выжить в относительно холодных условиях, могли распространиться на землях, освободившихся из-под ледяных пластов. Постепенное увеличение количества теплолюбивых растений отражает подъем температуры до максимума, который был в умеренных зонах значительно выше, чем сегодня, и это создавало в неотермальный период наиболее благоприятные климатические условия. В течение завершающих фаз изменения в растительной жизни отражали главным образом падение климатического оптимума и преобразование земной поверхности под влиянием развития сельского хозяйства и трудовой деятельности.

Немного меньше до сих пор известно о небольших изменениях в окружающей среде существующих тропических и особенно субтропических зон. Они сыграли ключевую роль в происхождении сельского хозяйства и раннем развитии цивилизации. Наиболее полный результат получен для Восточной Африки, где в неотермальный период различаются две второстепенные фазы: накурнская и макалианская. Детальное изучение фауны из пещер верхнего уровня горы Кармель подтверждает, что в Палестине имела место начальная засушливая фаза, за которой последовала влажная, предположительно соответствующая макалианской. Также существуют свидетельства того, что последняя охватывала обширную зону в Северной Африке.

Таблица В

Последовательность климатических стадий в течение последних 10 000 лет

Время (до н. э.)	Северо-Западная Европа		Северная Америка	Восточная Африка
	<i>Лесные зоны</i>	<i>Послеледниковые</i>	<i>Неотермальная</i>	<i>Эпиплейстоцен</i>
0	IX	Субатлантиче- ская	Медитермаль- ная	Накуранская
2000	VIII	Суббореаль- ная		Засушливая
4000	VII (опти- мальная)	Атлантическая	Альтитер- мальная	Макалиан- ская
6000	VI	Бореальная	Анотермаль- ная	Засушливая
	V			
8000	IV	Пребореаль- ная		

Колебания уровня моря

Соответственно основным климатическим изменениям в неотермальный период происходили похожие колебания уровня моря, хотя в меньшем масштабе, чем в плейстоцене. Не принимая во внимание изостатические движения, хотя и отчетливо выраженные, которые имели только локальное воздействие, главным изменением был эвстатический подъем уровня моря, вызванный таянием ледяного покрова. Радиоуглеродный анализ образцов глубоководных отложений, взятых у дальних берегов Северо-Западной Европы, Северной Америки и Новой Зеландии, указывает на то, что на территориях, не испытавших движений земной коры, уровень моря возрастал каждый век примерно на три фута между 12 000 и 4000 годами до н. э. Пристальное изучение очертаний древних береговых линий показало, что на пике неотермального климатического оптимума уровень моря был определенно выше. В наши дни море отступило, возвратив свои завоевания.

Биологическая эволюция

Приматы

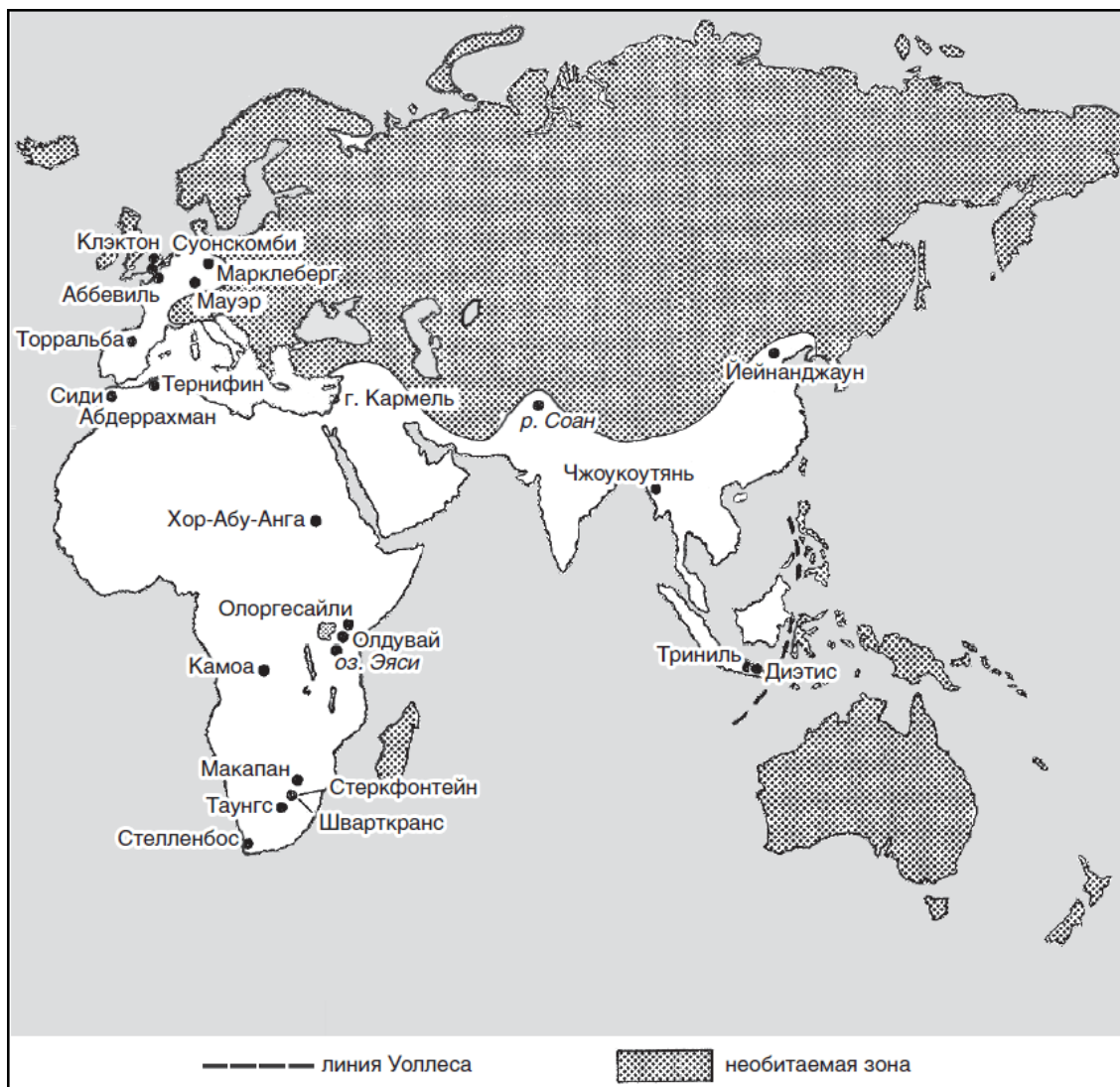
Физическое сходство между человеком и человекообразными приматами так близко, что не оставляет разумных оснований для сомнения в их тесном зоологическом родстве. Это касается и общей структуры скелета, и мышечного строения, и расположения внутренних органов. Нельзя не принять во внимание свидетельство метаболических процессов и серологических реакций. Даже человеческий мозг, как недавно заявил авторитетный источник, «по своей морфологии... лишь увеличенная по размеру модель мозга человекообразной обезьяны». Более того, можно зайти так далеко, что классифицировать и крупных человекообразных обезьян, понгид (*Pongidae*), и гоминид (*Hominidae*), причем относя к последним все типы живущих ныне людей и ископаемые формы, которые появились от общих предков, как составляющие одного семейства – *Hominoidea*, включающего вместе с марышками (*Cercopithecidae*), приматов высшего порядка. Однако под давлением общего мнения, основанного на заметно большем размере мозга по отношению к весу тела у человека и значительной разнице в расположении зубов и пропорциях конечностей, мы склоняемся к тому, чтобы определять *Pongidae* и *Hominidae* как самостоятельные семьи наряду с *Cercopithecidae*.

С эволюционной точки зрения самым значимым шагом в появлении гоминидов представляется принятие прямоходящего положения. Именно поэтому, перестав передвигаться при помощи рук, человек освободил их для изготовления орудий труда, смог защищать себя и приготавливать пищу. Со временем это привело к тому, что голова стала пропорциональна телу и гармонично увенчала позвоночник, а не стала просто крайней высшей точкой тела. Безусловно, изменения в расположении зубов, характерные для гоминидов, были в некоторой степени связаны с возрастающей важностью передних конечностей, что, в свою очередь, повлияло на строение черепа и особенно надбровных дуг. Определенно, наши далекие предки приняли более или менее прямую позу до того, как их мозг заметно превысил по размеру мозг крупных человекообразных приматов.

Австралопитеки

Казалось бы, пока крупные человекообразные обезьяны адаптировались к жизни в лесу и поэтому приспособились к конкретным условиям, используя при передвижении и свои передние конечности, развитие гоминидов происходило на более открытой местности, и они рано выработали прямую осанку, опираясь при ходьбе только на ноги. В семействе *Hominidae* можно различить три основных рода. Первым в ходе эволюции появился *Australopithecinae* (австралопитек), вторым – *Pithecanthropus* (питекантроп) и третьим – *Homo* (человек). Открыв *Pithecanthropus erectus* (питекантропа прямоходящего), мы увидели существо, в котором сочетались прямая осанка и мозг размером не более чем у большой обезьяны. Позже, узнав об австралопитеках, мы утвердились во мнении, что в эволюции гоминидов передвижение на двух ногах предшествовало увеличению мозга. Большинство ископаемых австралопитеков обнаружили в отложениях раннего плейстоцена в Южной и Восточной Африке, и это решительно указывает на то, что данные территории были главными центрами эволюции гоминидов в то время. Более того, единственная находка в Юго-Восточной Азии, в сангиранских пластах Джетис на Яве *Palaeojavanensis* (мегантропа), установлена как принадлежащая к среднему плейстоцену (карта 1). Южноафриканские ископаемые австралопитеки принадлежат к двум основным группам, каждая из которых определяется как подрод и ведет свое начало из последующих

стадий последней фазы нижнего плейстоцена. Более древний подвид, австралопитек, который зародился в последний засушливый межстадиальный промежуток и в начале последней влажной фазы кагеранского плювиального периода, включает два основных вида: *A. africanus* из Таунгса и Макапана и *A. transvaalensis* (*Plesianthropus*) из Стеркфонтейна. Позже появился *Paranthropus*, включающий *P. robustus* из Кромдраая и *P. crassidens* из Шварткранса и ведущий начало из последней влажной фазы – кагерана. Две важные находки из Восточной Африки можно классифицировать следующим образом: так называемый *Meganthropus africanus*, обнаруженный поблизости от озера Эяси в Танганьике, находит свое место среди *A. Transvaalensis*, а недавно открытый *Zinjanthropus boisei*, обнаруженный в самых нижних слоях озерных отложений Олдувая, вполне соответствует *P. crassidens*.

Карта 1. Доисторический мир к концу среднего плейстоцена

Морфологически и особенно в общем строении черепа (высоко расположенных глазниц, контуре лба и верхней лицевой части и сосцевидном отростке височной кости, так же как в характере расположения маленьких зубов в виде параболически изогнутой дуги, лопатовидных клыках и отсутствии диастем или промежутков между ними) ископаемые останки австралопитеков обнаруживают явное родство с гоминидами, хотя объем мозга колеблется лишь в пределах от 450 до 700 см³ по сравнению с 685 см³ самого крупного известного черепа гориллы. Характер конечностей и тазовых костей делает неопровержимым тот факт, что эти

имевшие такой маленький мозг, но все же в самой своей основе – гоминиды, австралопитеки приняли вертикальное положение. Их главное эволюционное значение состоит в том, что они явились предшественниками питекантропов последующей эры среднего плейстоцена. Однако положение дел в современной науке таково, что у экспертов нет единого мнения об определенной роли австралопитеков в эволюции гоминидов. В частности, иногда ведутся споры о том, что *Australopithecus* и *Paranthropus* венчают ответвления главной линии эволюции гоминидов, ведущей к появлению питекантропов, а не зависят от нее. Огромное значение придают ископаемой челюсти из отложений *Paranthropus* в Шварткрансе. Но, пока не найдены полные останки *Telanthropus*, как он был назван, нельзя решить, имеет ли он право на самостоятельный статус или находится к главной линии эволюции ближе, чем *Paranthropus*.

Питекантропы

С тех пор, как в отложениях Триниля на Яве были открыты останки *Pithecantropus erectus*, на острове были сделаны еще несколько находок, и практически нет сомнений в том, что гоминиды этого рода жили там во времена среднего плейстоцена. Гораздо большее скопление, свыше сорока особей, было обнаружено в Северном Китае в расщелинах скалы в Чжоукотуэне, вблизи Пекина, в заполнении среднего плейстоцена. Сначала останки отнесли к отдельному роду, *Sinanthropus*, но при последующем изучении установили их принадлежность к роду *Pithecantropus*. Конечно, весьма сомнительно, следует ли употреблять особое обозначение, *pekinensis*, так как сплющивание (*platymeria*) шейки бедренной кости, которое составляло основное различие с *P. erectus*, могло быть результатом особенностей питания. Совсем недавно следы того же самого рода, которому без какой-либо необходимости присвоили название *Atlantropus mauritanicus*, нашли в отложениях раннего плейстоцена в песчаном карьере у Тернифина, недалеко от Паликао в Алжире. Были обнаружены две нижние челюсти и череп юноши. Давняя находка из Мауэра, что неподалеку от Гейдельберга, нижняя челюсть, дает основания предполагать, что питекантропы также присутствовали и в Европе в период среднего плейстоцена. В целом они воплощают движение вперед по сравнению с австралопитеками, а в частности у них заметно возрос объем мозга. Так, средний объем трех черепов с Явы составлял 860 см³, а четырех из Пекина – 1075 см³, в этом отношении они оказались в промежуточной позиции между *Australopithecus* (400–700 см³) и *Homo sapiens* (1350 см³). Факт, который вполне подтверждает соответствие китайской находки возрасту среднего плейстоцена.

Хотя они иллюстрируют, по крайней мере, начало второго основного этапа в эволюции гоминидов и демонстрируют рост мозга, последующий за принятием вертикального положения. Питекантропы проявляют и ряд черт, которые вычеркивают их из числа более развитых, эволюционировавших форм. Черепной свод – низкий, сплюснутый спереди, имеется выраженный выступ в месте соединения двух главных боковых костей и толстостенных перегородок; мал сосцевидный отросток височной кости; небо обширно, и ярко выражена альвеолярная прогнатия, нижняя часть лица заметно выдается вперед; нижняя челюсть массивна, и, как и в случае с яванскими образцами, зубы, хотя и расположены как у человека, но верхние клыки заходят за нижние, и между резцами и клыками появляется диастемический промежуток. Вес нижней челюсти в сочетании с массивной надглазничной областью и надбровными выступами, а также приплюснутый лоб поразили бы нас при случайной встрече сильнее всего. Однако китайские питекантропы неплохо справлялись с изготовлением орудий труда и использовали огонь.

Таблица Г

Упрощенная классификация *Hominidae*

Геологическое время	Род	Подрод	Виды
Верхний плейстоцен	Homo		H. sapiens
			H. neanderthalensis
			H. soloensis
			H. rhodesiensis
Средний плейстоцен	Pithecanthropus		P. heidelbergensis (H. h.)
			P. africanus (Australanthropus)
			P. pekinensis (Sinanthropus)
			P. javanensis (P. erectus)
Нижний плейстоцен (виллафранкский)	Австралопитек	Telanthropus? Paranthropus	P. javanensis (Palaeojavanensis)
			P. robustus
			P. crassidens
		Australopithecus	A. africanis
			A. transvaalensis (Plesianthropus)

Именно из рода питекантропов произошли примитивные предки Homo sapiens. Редкость и фрагментарный характер ископаемых останков, сопровождаемых документальными свидетельствами, затрудняют возможность представить, какими они были. Сохранившиеся кости черепа из Суонскомби, найденные в галечниках миндельрисса в бассейне нижней Темзы, наряду с каменными топорами типа впервые обнаруженных в Сент-Ашель, вблизи Амьена в Северной Франции, не обладают никакими характерными чертами, по которым их можно было бы ясно отличить от черепов Homo sapiens в его нынешнем облике. Но с другой стороны, у аналогичного черепа из межстадиальных отложений рисса в Штайнхайме, Южная Германия, лобная кость отсутствует, а именно она свидетельствует о массивных надбровных дугах, которые встречались у питекантропов наряду с крупными зубами и тяжелыми челюстями. Кажется наиболее вероятным, что в среднем плейстоцене обитатели Европы и, вероятно, Африки, сохраняя определенные черты, свойственные питекантропам, в несколько модифицированной форме, имели довольно хорошо развитую лицевую часть черепа, относительно высокий черепной свод и маленькое лицо.

Неандертальцы и неандертальский тип

К началу позднего плейстоцена картина усложнилась. Впервые появилось свидетельство истинно современного типа, у которого отсутствовали массивные надбровные дуги, – два фрагментарных черепа из пещеры Фонтешевад в Дордони, Франция. Самое потрясающее в этой находке то, что она была скрыта под отложениями, содержащими мустьерский кремнистый песок (такой же, как найден в Ле-Мустье в Дордони и в других местах) с останками неандертальского человека, названного так после открытия такого черепа в Неандертале (Рейнланд, Германия). С тех пор она подтверждена целым рядом подобных находок из Европы, ведущих начало от первой фазы последнего, или вюрмского, оледенения. Кости конечностей людей этого типа толстостенны, тяжелы и чрезмерно коротки по отношению к туловищу. Особенно это касается предплечья и задней части голени. К тому же, хотя объем мозга в среднем приближался к современной величине, черепу был присущ ряд аберрантных черт. Например, сплюснутый черепной свод, крупное лицо и большое отверстие затылочной кости (отверстие в основании черепа, через которое спинной мозг подходит к мозгу), которое немного недоразвито. Надглазничный выступ – сплошной и сильно выдается вперед. К этому присоединяется массивная челюсть с покатым подбородком, и, наконец, коренным зубам свойствен тауродонтизм¹ намного чаще, чем это бывает у современных людей. Существенно, что этот особенный вид встречается на очень ограниченной территории палеолитического мира. Предполагается, что это отклонение в ответ на экстремальные климатические условия, в которых вероятность генетических изменений достигла максимума именно потому, что сократились возможности миграции.

К несчастью, самые ранние находки, по которым у нас складывался образ «классического» неандертальца, принадлежат очень ограниченной территории. У аналогичных находок из регионов с более умеренными температурными условиями, например из палестинских пещер Эс-Схул и Эт-Табун, горы Кармель, пещеры Санидар в Северном Ираке и пещеры Тешик-Таш в Узбекистане, характерные черты неандертальцев выражены не так резко. Иногда утверждают, что это азиатский неандертальский тип, результат смешивания родов неандертальцев и *Homo sapiens*, но наиболее вероятно, что его представители находятся в непосредственной близости к основной линии человеческой эволюции и тесно связаны с типом, промежуточным между найденными в Суонскомби и Штайнхайме, с одной стороны, и современным человеком – с другой. Одной из причин этого утверждения является то, что *Homo sapiens* почти наверняка появился где-то в Евразии и, скорее всего, в Западной Азии.

Homo sapiens и современные человеческие расы

Так или иначе люди, принадлежащие к культуре охотников верхнего палеолита, пришедшие в этом регионе на смену мустьерской, по существу, относятся уже к современному типу. Кости конечностей, относительно легкие и узкие, наводят на мысль о полностью вертикальной позиции, как и расположение большого отверстия затылочной кости, направленного непосредственно вниз; лоб округлый и не покатый, а выступы на черепе практически незаметны; надбровные дуги развиты умеренно и не сливаются в сплошную линию; челюсти не тяжелые, зубы сравнительно небольшие, подбородок хорошо очерчен. Профессионалы единодушны во мнении, что все без исключения существующие расы людей являются вариантами этого единственного вида – *Homo sapiens*.

¹ Тауродонтизм – «бычьи зубы», увеличение зуба за счет корней. Корень широкой плотной структуры без разветвлений.

Когда и где произошло разделение людей на различные расы? На этот вопрос ответить особенно трудно, потому что существует целый ряд основных критериев, по которым определяются расовые различия, такие как пигментация и тип волос, о которых едва ли поведает изучение скелета.

Были попытки разгадать расовые характеристики по некоторым останкам времен верхнего палеолита. Например, тип, впервые обнаруженный в пещерах Гримальди вблизи Ментоны, интерпретировали как негроидный, или примитивный средиземноморский, а находку из скального навеса Шанселада в Дордони отнесли к эскимосскому типу. Но делать выводы, опираясь на столь незначительные свидетельства, весьма опасно, и самое мудрое решение – признаться, что нам пока еще неизвестно, когда возникли существующие ныне расы *Homo sapiens*. Наиболее вероятным представляется то, что они появились в результате постепенной генетической диверсификации, которую повлекли за собой широко распространенные процессы миграции и освоения новых территорий во время последнего ледникового цикла. Специфическим условиям окружающей среды соответствует определенная степень пигментации. Принимая во внимание воздействие миграции в тот период, можно достаточно точно предположить, что разница в пигментации помогала в некоторой степени приспособиться к этим условиям. Так, в древние времена места, где почти всегда было облачно и прохладно, населяли люди со светлой кожей и светлыми волосами; брюнеты жили там, где светило яркое солнце на чистом синем небе, как в Средиземноморье; самые темнокожие встречались в самых жарких, безлесных зонах (как, к примеру, саванны Африки), а те, у кого была желтоватая кожа и выющиеся волосы, – в тропических дождевых лесах Африки и Юго-Восточной Азии. Кроме того, существуют веские причины связывать ширину носовых отверстий с климатом, так как именно функцией носа является некоторое смягчение воздействия температуры воздуха до того, как он попадет в легкие. Поэтому неудивительно, что у эскимосов и даже североевропейцев ноздри узкие, у средиземноморских народов – средние, а у темнокожих – широкие. Однако было бы неверно предполагать, что ко всем географическим изменениям необходимо было адаптироваться, поскольку по мере освоения человеком разных географических областей возрастала степень его изоляции, что само по себе уже обеспечивало условия для генетических изменений.

И последнее, о чем необходимо упомянуть, – это тот факт, что люди заселили большую часть Земли только в течение последних стадий плейстоцена. Древние типы людей были «привязаны» к самым теплым местам доисторического мира. Их останки находят в различных местах Африки от Алжира до мыса Доброй Надежды; в Европе – не севернее низменной Англии и Центральной Германии; в Западной Азии – до гор Северного Ирана; в Индии, Юго-Восточной Азии и Индонезии – не восточнее Макасарского пролива, что совпадает с выдающейся зоогеографической классификацией соратника Дарвина А. Р. Уоллеса. Незадолго до появления в своем современном виде *Homo sapiens* поселился в Северной Евразии и распространился, с одной стороны, в Новом Свете, а с другой – в Австралии и Тасмании и через Полинезию в Новой Зеландии. Распространение поселений человека на различных территориях – одна из главных тем изучения доисторического мира во времена последнего ледникового и неотермального периодов, которая будет рассмотрена в последующих главах этой книги. Оно стало возможным из-за относительной неспособности *Homo sapiens* как биологического вида к адаптации, но главным образом благодаря обладанию культурой, которая помогла приспособиться к самым разным условиям обитания.

Глава 2

Культуры нижнего палеолита и их следы

Критерии культуры

Хотя большинство палеонтологов соглашается, что принятия вертикального положения было вполне достаточно, чтобы подтвердить отделение гоминидов от крупных человекообразных приматов, некоторые утверждают, что между ними можно провести различия, опираясь исключительно на зоологическую основу. Одни гоминиды приобрели статус человека, другие остались на примитивном уровне. Чтобы заслужить право называться людьми, гоминиды должны были, так сказать, проявить себя в труде, и это уже не биологический критерий, а культурный. Однако все еще верно, что существует тесная взаимосвязь между культурными достижениями и природными способностями. Прямоходящая поза, которая появилась в ответ на прореживание лесов и вследствие необходимости пересечения открытой местности между лесистыми территориями, содействовала овладению культурой. Освобождение рук из процесса передвижения сделало их пригодными для использования орудий труда и, в конце концов, для их изготовления. Такая деятельность стимулировала развитие мозга. В то же время она способствовала видоизменению строения черепа: ослабление роли зубов в принятии и обработке пищи привело к тому, что уменьшился их размер, челюсть стала заметно легче, сгладились надбровные выпуклости. С другой стороны, позиция с опорой на две ноги таила в себе опасности, и в итоге выжить сумели лишь те гоминиды, которые разумно использовали орудия труда и оружие. В самом деле, способность овладения культурой, очевидно, была очень ценной в том смысле, что тем племенам, чей генотип развивался и процветал в ходе естественного отбора, она помогала приспособиться к жизненным условиям. Это объясняет, почему увеличение размеров мозга, позволявшее все более успешно овладевать культурой, в течение плейстоцена происходило так быстро. Даже биологическая эволюция самых развитых гоминидов была, таким образом, в большой мере результатом культурного развития.

Во многих отношениях самым поразительным фактом, подкрепленным археологическими находками, является их способность изготавливать орудия труда. Здесь необходимо подчеркнуть разницу между использованием и изготовлением орудий труда: верно, что одно проистекает из другого, но важно то, что от остальных приматов человека отличает именно способность производить эти орудия. Под использованием орудия труда подразумевается активное обращение с ним для достижения определенных целей, направленных на какой-то объект внешней среды. Так, например, если цитировать доктора У. Х. Торпа, морская выдра, поднимающая со дна голыши, чтобы расколоть раковину моллюска, использует орудие труда, а чайка, роняющая моллюска на булыжник, чтобы разбить панцирь, – нет. Употребление орудий труда в действительности восходит к довольно примитивным жизненным формам, но оно само по себе и не предполагает наличия интеллекта и проницательности. Даже крупные человекообразные обезьяны, хотя и проявляющие некоторую сноровку в обращении с палками и веревками и в укладывании ящиков, обнаруживают в своем поведении предельную ограниченность. К примеру, у них нет понятия о статике, а в манипуляциях с ящиками они практически целиком опираются на слепую импровизацию, а не на свою проницательность. Кроме того, что еще более важно, их деятельность направлена исключительно на достижение видимой цели, поэтому, когда требуется как-то подготовиться, допустим, заточить конец палки так, чтобы она вошла в углубление, предвидение результата и планирование действия им не свойственны. Напротив, изготовление орудий труда и постройка сооружений, даже у самых при-

митивных человеческих сообществ, основывается на точном знании сырья и, в рамках существующей технологии, на наиболее эффективном способе обращения с ним. Более того, для человеческих существ характерна гораздо большая способность ощущения времени, чем для всех других приматов: в своих устных (а со временем в письменных) преданиях их постоянно влечет память прошлого, которая служит своего рода культурным капиталом, а, принимая во внимание будущее, они обретают стимул, необходимый для того, чтобы предпринять действия, выполнение которых может занять продолжительное время и справиться с не всегда предсказуемыми трудностями.

Речь

Речь, несомненно, была еще одним отличительным признаком культуры древнейших людей. Знатоки человекоподобных приматов соглашаются во мнении, что один из их величайших недостатков – отсутствие речи, и его одного достаточно, чтобы воспрепятствовать им в обретении элементов культуры. Правда, что шимпанзе обладают более широким «диапазоном выражения эмоций», чем большинство людей, и они способны общаться друг с другом, передавая не только эмоциональные состояния, но и выражать желания и побуждения. Однако, как подчеркнул Келер, «их фонетический спектр всецело «субъективен» и дает возможность лишь выражать эмоции, а не называть или описывать предметы». В связи с этим вспоминается интересный факт: в своей знаменитой инициативе воспитать шимпанзе Вики с трехдневного до трехлетнего возраста доктор Хэйс и миссис Хэйс сумели научить ее определенным командам, но после восемнадцати месяцев интенсивных занятий отчаялись в своих попытках заставить ее «показывать свой нос, глаза, ладони и ступни». До тех пор, пока гоминиды не создали словасимволы, возможность сообщать о чем-то друг другу и накапливать их запас, культура вряд ли существовала. Кроме того, как отметил Торп, до овладения речью способность считать у человека была того же порядка, что у птиц или белок. Серьезная математика вместе с огромными успехами в достижении контроля над окружающей средой, которые она и предопределяет, впервые появилась с возникновением символов. Речь, предполагавшая употребление символов, стала, должно быть, одним из первых признаков человеческой природы. Единственным недостатком в качестве критерия для археолога, изучающего доисторическое прошлое, является отсутствие всякой надежды на подтверждение ее существования в самые давние времена человечества. Вопреки бытующим предположениям, лучшие палеонтологи не согласны с тем, что членораздельная речь может быть следствием особенностей структуры челюсти, и это нельзя установить, изучая образцы, взятые с внутренней поверхности черепов. Возможно, ключ к разгадке кроется в появлении орудий труда стандартной и узнаваемой формы, но пока трудно понять, как они распространялись и передавались, если не использовались вербальные символы.

Первые изготовленные человеком орудия труда

Вне сомнения, самые осязаемые знаки древнейшей культуры – орудия труда, изготовленные первобытными людьми. Самыми первыми, по признанию основоположников науки о доисторическом мире, появились каменные топоры из валунов; рабочие края сколотых пластин были хорошо обтесаны. Распространенность таких орудий наряду с останками вымерших животных в древних речных галечниках и других дилuviальных отложениях является прекрасным свидетельством древности человека. Дополнительные доказательства были обнаружены в скальных навесах и пещерах, исследование которых началось уже за целое поколение до опубликования Дарвином «Происхождения видов», но интенсивно продолжено лишь в 1858 году.

К 1865 году было изучено достаточно материала для того, чтобы сэр Джон Лаббок мог сопоставить чрезмерно долгий древний каменный век, или палеолит, в течение которого люди жили собирательством и охотой на животных, многие из которых на сегодняшний день вымерли, с новым каменным веком, или неолитом, наиболее полное представление о котором дали находки из свайных поселений (не так давно обнаруженных у берегов швейцарских озер), и они прекрасно отражают размеренную жизнь крестьян, занимавшихся сельским хозяйством и разнообразными ремеслами, включая гончарное и даже ткацкое.

Переход от использования всего, что было удобно держать в руках, к созданию орудий труда, предназначенных для определенной цели, должно быть, происходил постепенно, и поэтому существовали сложности для того, чтобы проследить его в археологических документах. Нам повезло, что мы знаем факты широкого применения древними людьми таких относительно прочных материалов, как кремьнь или камень, в дополнение к органическим материалам, почти полностью исчезнувшим уже в ранний период истории. Но даже при этих условиях мы сталкиваемся с серьезными трудностями при попытках узнать, когда человек впервые опробовал в работе кремьнь или камень, так как очень небольшой участок отшлифованной поверхности обломков может быть результатом естественных факторов самой природы, которая способна имитировать искусственную обработку довольно высокого порядка. Допуская предположения, что существовала более примитивная стадия в использовании кремня и камня, чем представленная каменными топорами эпохи палеолита из дилuviальных отложений, некоторые археологи первых десятилетий XX века обратились к тому, что они называли трудовой деятельностью времен рассвета каменного века. Многие из так называемых эолитов (от имени Эос, древнегреческой богини рассвета) были достаточно убедительны, но само рвение искателей подтвердило их несостоятельность: скептицизм вызвало не только количество найденных ими эолитов, но в большей степени увеличение возраста отложений, в которых их обнаружили. Образцы, относящиеся к плиоцену, казались вполне допустимыми, но, когда они были найдены в отложениях более древних периодов кайнозойской эры (миоцена, олигоцена и даже раннего эоцена), стало очевидно – что-то неверно, так как, в конце концов, крупные человекообразные приматы впервые появились в окаменелостях миоцена. Археологам, изучающим доисторический мир, также стало известно, что подобные формы встречались в более поздних отложениях вместе с искусно сделанными палеолитическими орудиями, что и побудило их заняться исследованиями ответственных за это природных факторов. В свое время скопления обтесанных камней и кремня находили в условиях, подтверждавших, что они, бесспорно, являются результатом воздействия сил природы. После их изучения стало возможным объяснить естественными причинами многие ранние виды «трудовой деятельности». Например, так называемые «кромерские» кремни появились благодаря воздействию штормовой волны на береговой полосе, затопляемой во время приливов; кентские эолиты – от трения одного кремня об другой из-за ползучести грунта; эолиты из отложений эоцена в Клермоне (французский департа-

мент Уаза) были созданы давлением и передвижением, вызванным растворением известковых формаций, расположенных под кремнесодержащими напластованиями, а множество «кафуанских» «орудий» из Уганды, по всей видимости, творение водопадов и водных порогов в чрезмерно узких ущельях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.